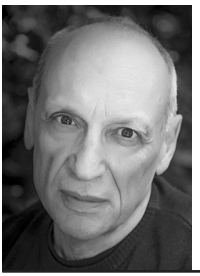

Саша Кругосветов

Придет время, и она возьмет нас в свой замок[1]

Саша Кругосветов. Петербургский прозаик и публицист. Член Союза писателей-переводчиков Москвы, Международной Ассоциации авторов и публицистов APIA (Лондон), куратор петербургского отделения Интернационального Союза писателей. Награжден медалями им. А. С. Грибоедова и Адама Мицкевича, Императорской Медалью «Юбилей Всенародного подвига 1613–2013». Лауреат премии «Алиса» фестиваля фантастики «Роскон-2014», лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2016 год, а также лауреат Международной литературной премии имени Владимира Гиляровского 1 степени в номинации «Художественная проза» (2016 г.) Финалист и дипломант премии «Нонконформизм-2016», «Нонконформизм-2017» и «Нонконформизм-2018».

Меня чрезвычайно интересует все жалостное и убогое.
Д. Сэлинджер «Тебе, Эсме, — с любовью и убожеством».

В Академическом театре драмы на канале Грибоедова разразился грандиозный скандал. Вообще-то до поры, до времени театр этот совсем даже не был Академическим. Но в 60-е годы какой-то шустрый администратор подсуетился в отделе культуры горкома и при регистрации устава вписал в название театра важное словечко «Академический», что давало возможность получить дополнительные государственные льготы и более высокие ставки для руководства, актеров и режиссеров. Может быть, удалось тогда выбить более высокие ставки и для работников сцены, вахтеров и прочего, как теперь говорят, «планктона», но это, в конечном счете, уже почти даже и не важно. Проскочило. В наше время никто уже не задумывается: почему этот театр стал вдруг Академическим? С другой стороны, театр был неплохой, что бы о нем ни говорили. Очень неплохой. Даже более чем неплохой.

[1] Ниже приведен фрагмент оригинального одноименного рассказа С. Кругосветова.

Но дело не в этом. Вернемся к скандалу. Скандал был связан с тем, что заслуженного артиста СССР Вольфа Яновича Бельского застукали после спектакля на служебной лестнице в непотребной позиции с Анастасией Светляковой, молодой актрисой, только что перешедшей в этот театр. Если бы только это. Видавший всякое театральный народ посмеялся бы и вскоре забыл об этом происшествии — эка невидаль! Ах, там еще и адюльтер — ну так что? Но дело этим не ограничилось. Бельский, видимо, почувствовал в белокожей, игривой Насте огромную, грандиозную женскую натуру. Женщину с большой буквы. Так, во всяком случае, сообщают нам вездесущие театральные резонеры. Наверное, именно так оно и было на самом деле, — теперь уже трудно судить об этом. Он привел Настю домой и представил ее свой интеллигентной маме. Представил очень даже серьезно. Милая старушка всплеснула руками: «Волечка, твоя Настя, конечно, чудо как хороша, но как же Лиза?».

Действительно, как быть с Лизой?

Лиза Шибанова — уважаемая актриса, тоже, между прочим, заслуженная, очень даже заслуженная, может быть, даже более заслуженная, чем тот же Бельский — гражданская жена Вольфа Яновича (гражданская в том смысле, что не было церковного брака, у кого в те времена был церковный брак?), законная, так сказать, супруга, старше его почти на десять лет, весьма достойная дама, с которой они жили — душа в душу по большому счету — уже без малого семь лет. Мама спросила Вольфа Яновича о Лизе. Она не могла спросить его о перспективном молодом режиссере Данечке Львове, тоже законном по всем статьям муже Насти аж с первого курса Театрального института. Не спросила, потому что ничего не знала о Насте, а тем более — о ее муже. А очень даже надо было бы спросить об этом, потому что поженились молодые люди по любви, может быть — и не первой, по одной из первых любовей, из тех, которые, как может показаться, приходят раз и навсегда, не исключено, что на всю жизнь.

Нет, так, видимо, с налету не рассказать об этом скандале. Тем более, что разразившийся и даже в какой-то мере разбушевавшийся скандал, в конце концов, больше всего ударил не по основным участникам представления за кулисами, а совсем по другим людям. Начну все по порядку.

Марина Шитикова задержалась в своей гримерной после спектакля «Бесприданница», где она играла главную роль — Ларисы Дмитриевны. После спектакля? Нет, это еще был не спектакль. Это была генеральная репетиция, можно сказать — прогон. Марина старше своей героини года на три. Но сама она еще совсем молодая. Стройная, звенящая... Полное имя — Мариула Аркадьевна. Именем-отчеством обязана своей бабке цыганке. Аркадий — имя, которая та дала собственному сыну, отцу девочки,

Мариула — на этом имени тоже бабка настояла. Мариула! По паспорту... Но все называли ее Маринкой.

Маринка совсем не была похожа на цыганку: большие, светлые печальные глаза с немного набрякшими веками, бледное лицо, серо-пепельные волосы, полные губы, прямой аккуратный носик... От цыганского племени ей достался довольно тяжелый подбородок с запавшими, как у Марлен Дитрих, щеками... И пение... И гитара... И непреходящая цыганская тоска, которая всегда жила у нее в душе.

Марина рано потеряла родителей. Росла почти сиротой. Жила у бабки — не у той цыганской бабушки, что дала девочке неестественно знойное имя Мариула (та бабушка вскоре скончалась), а у обычной русской бабульки, матушки ее матери, терпеливой Матрены, которая привычно всю жизнь тянула свою лямку, была внучке и бабкой, и матерью, и отцом. Что она могла дать девочке? Заботу и любовь. Больше у нее ничего и не было. Разве этого мало? Выросла внучка справная. Ладная да покладистая. Тихая да задумчивая. С детства знала откуда-то совершенно точно, что непременно станет актрисой. Поступила после школы в студию Театра на канале Грибоедова, и с двадцати лет уже выходила на сцену. И что за роли ей доставались? — одна другой лучше. С завистью поглядывали на нее красивые сокурсницы — конкурентки по сценическому цеху.

Только что закончился последний прогон «Бесприданницы». Маринка пела, играла на гитаре, любила, страдала, плакала и умирала. Главреж, Георгий Яковлевич Шаргородский, был в восторге. Всякие заслуженные да народные смотрели удивленно, некоторые — с уважением: такая молодая, а, поди же ты... Пожилые матроны злились: они, несомненно, сыграли бы лучше, однако... этот пожилой сластолюбец Жора... Он предпочитает, конечно, натуру более свежую, в этом вся причина... Молодые актрисы — все, как на подбор, красотки, которым надо биться за место под солнцем, — смотрели во все глаза, жаждали поймать на ошибке, фальши и разнести, расшушукать, припечатать, обглодать и съесть... И косточки выбросить. Такие хорошенькие, юные, голодные волчицы.

Маринка очень талантлива. Сама она никогда так о себе не думала. Просто любила свою работу и всем сердцем проживала каждую роль на сцене. А вне сцены была немного отстраненной. Чувства, эмоции, переживания как бы миновали ее в жизни, оставались на втором плане. Были словно не настоящие, будто бы не всерьез. Ее собственные чувства и переживания оставались у ее героинь, будто все, что дала ей природа, все, что может быть в сердце пылкой, верящей, любящей, скорбящей и страдающей женщины, все это сохранялось ею для театра и выплескивалось только на сцене.

Молодая актриса рассматривала в зеркале свое лицо, крохотные преждевременные морщинки, и думала о своих проблемах. А проблем у нее

было предостаточно. Поначалу все складывалось вроде неплохо. Вначале была бабушка. Потом — близкая подруга, рыжая Светка — огромная, мужиковатая веснушчатая девица, синеглазая, с красноватыми веками, немного старше Маринки. Светка опекала ее как старшая сестра. Опекала, ездила с ней в Крым на каникулы. Было что-то от мужского покровительства в ее отношении к младшей подруге, но ничего такого между ними не было. В студии Марина познакомилась с Артемом. Ее ровесник, веселый, разбитной, отвязный малый, будучи студентом, рано начал сниматься в кино. Рано стал известен, сыграв роль хулиганистого мальчишки — цыгана в фильме о школе для беспризорников. Появился Тема — ушла из жизни бабушка, оставив внучке крошечную однокомнатную квартиру в старом доме рядом с Кировским театром. Поступила в Строительный институт и уехала в Москву Светка. Обзавелась там новой подругой. Но у Маринки к тому времени была уже своя семья.

В первый же год они с Темой решили завести малыша. Решили завести — или завели, а потом решили — какая разница? Маринка ходила хорошо, пятен, тошноты не было, животика почти не видно, работала на сцене до последнего. Всего лишь три недели посидела дома. Ждали мальчика. Решили назвать Темой, как и отца… Но Господь не дал им дитя: ребенок родился мертвым. Маринка очень переживала. Бегала в церковь, молилась, плакала. Долго не могла работать. Но время лечит. Снова пришла в театр, пришла все-таки. Стала готовить новые роли.

У Артема тем временем его собственные театральные дела шли неплохо. До поры, до времени. До тех пор, пока на репетиции ему на голову не упал плохо закрепленный осветительный прибор. Прибор пробил голову. После операции и лечения на виске образовалась заметная вмятина. Потом опухоль. Опять — операция, долгое лечение.

Артем стал совсем не тот. Очень изменился. Будто из него вынули его веселую, бесшабашную душу. С виду — тот же самый Тема. Тот — да не тот. Как будто он не здесь вовсе. Будто глубоко задумался наш Тема... И когда ему задавали какой-то вопрос, он долго пытался понять, о чем его спрашивают...

Марина старалась окружить его заботой, но муж не обращал на это внимания, оставался безразличным и замкнутым. Часто уходил из дома, оставался на несколько дней у своей матери, Калерии Ивановны. Маринка жалела его. И когда оставалась одна, подолгу плакала оттого, что не могла уже любить Тему как раньше.

И тут во весь рост поднимается гигантская фигура Калерии Ивановны. Почему гигантская? Кто такая эта Калерия Ивановна? Вы не знаете, кто такая Калерия Ивановна? Ну, значит, вы ничего не знаете о театральном мире Ленинграда в шестидесятые годы. Калерия Ивановна — жена само-

го Цезаря Ильича, почившего в бозе в начале шестидесятых, великого руководителя цирка Чинизелли, а потом и Ленконцерта, единственной коммерческой организации культурного профиля в советское время. Работала ли где-нибудь, когда-нибудь сама Калерия Ивановна, имела ли она хоть какое-то образование или профессию, об этом, увы, мы ничего не знаем. Калерия Ивановна была типичной генеральшей, женой генерала культурного мира. Свои замашки и манеры сохранила и после ухода Цезаря Ильича. Любимые фразы: «Цезарь Ильич считал...», «Цезарь Ильич говорил...», «Цезарь Ильич никогда бы этого не одобрил». До сих пор генеральша от культуры ногой распахивает дверь в кабинет самого Стрижа, руководителя Всероссийского театрального общества (ВТО), одной из старейших творческих организаций театральных деятелей РСФСР.

С первого взгляда, с первого дня их знакомства Калерия Ивановна невзлюбила невестку. Та — тихая, неразговорчивая. В глаза свекрови не заглядывает. Не прогибается. Подарки не носит. Даже не старается дружить. Что? Талантливая актриса? Да вы посмотрите на нее. Разве она похожа на Комиссаржевскую, на Ермолову? Вот это были женщины — взгляд, голос, стать — царицы театра! Из современных — Быстрицкая, Скобцева... А эта? Ни тебе переда, ни зада. Ручки тонкие, попка шильцем. А какая жена? Разве она следит за Темкой? Рубашки не глажены, дома вечно нечего поесть, холодильник пустой. Только одно название — жена. Не знаю, не знаю, в тихом омуте... — может и налево ходит. Вон и ребенка выносить не смогла. Конечно — вечно репетиции, спектакли, мужа не кормит, и сама ничего не жрет. Не надо было до девятого месяца в театр бегать. А вот теперь эта новая напасть на голову моего бедного Темушки. Не виновата, не виновата... Рука у нее нелегкая — вот что! Она всем несчастья приносит. Глаз цыганский. Не надо было Теме жениться на ней. Что он в ней нашел? И я-то, старая дура, куда глядела? Он-то сопли распустил — красивая, талантливая, кроткая... Не с лица есть. Не очень-то она выхаживала моего Тему по больницам. А сейчас он ко мне переехал. Потому что уход требуется. А она все в театре. Нет, и сейчас ко мне заходит. Ну, не ко мне — к Теме. Заскочит, поцелует, обнимет, гостинцев принесет и бегом-бегом. Поплачет иногда — гадость какая! Крокодиловы слезы. Ну, я еще доберусь до тебя. Не видать тебе Академического театра как своих ушей…

Конечно, напрямую все эти суждения и обличительные децимы Калерия Ивановна Маришке не озвучивала. Хватало доброхотов, чтобы донести сладкую сплетню до Маринкиных ушей. Но и в глаза свекровь нередко выговаривала невестке, не особенно стесняясь в выражениях.

Вот такие грустные воспоминания посещали милую Маринкину головку. В свои неполные двадцать три она уже немало намыкалась и многое испытала. Зато спектакль хорошо прошел, думала она. К черту грустные

мысли. Лариса Дмитриевна тоже получилась. Вполне все получилось. Даже «волчицы» хлопали. И Тема был на прогоне, тоже хлопал. Говорю ему: пойдем со мной. Нехорошо мне, Маринка, побуду пока у мамы. Все равно после премьеры заберу его к нам, домой — хотя бы на недельку. Он убегает от меня, стесняется, потому что не в форме. Чего ему, дурачку, меня стесняться? И эта новенькая — Светлякова, что из Малого драматического на Мойке, тоже на прогон пришла... Талантливая девочка. Там, в Малом, играла Клею из Эзопа. Я видела. Голос у Насти густой, мелодичный. Движения — отточенные и размытые... изящные и угловатые одновременно. Шея и плечи — будто молоком облитые. Юная царица, настоящая царица! И наш заслуженный, Вольф Янович, тоже мне стоя аплодировал…

Настроение у Маринки было неплохое. Да что там неплохое... Давно она не испытывала такого подъема. Сама не своя, голова идет кругом... Теперь домой. И отдыхать. Завтра премьера, надо быть в форме. К черту дурные мысли. В хорошем настроении актриса поднялась и вышла из гримерной. Театр пуст, все давно ушли.

Именно тогда, спускаясь по лестнице, она и оказалась свидетелем этой сцены. Да, это был именно Вольф Бельский. Фортинбрас. Почему-то именно так называли его, — по имени персонажа из «Гамлета» — хотя Бельский никогда в «Гамлете» не играл. Фортинбрасу — за тридцать. Заслуженный. Всегда наглухо застегнутый, в рубашке с галстуком, в костюме, плотно облегающем крепкую фигуру. Аккуратная стрижка, безупречно подстриженные усики и бородка клинышком. В театре его любили за интеллигентность, за хриплый гортанный голос, которым он пел старинный студенческий гимн «Гаудеамус». За доброту сильного человека, за детскую непосредственность и даже наивность. Снобливые молодые актеры часто подшучивали над ним. «Вольф Янович, вы видели эту ерунду, что французы на кинофестиваль привезли? Какая безвкусица — “Розовый телефон” называется». Бельский удивлялся: «Безвкусица? Не знаю — а мне понравилось». Уважали его и за трепетное отношение к маме, которую он встречал и провожал, и внимательно следил, чтобы ей удобно было входить в транспорт. За то, что никогда не стеснялся показывать свою сыновнюю привязанность. За его молодецкие акробатические номера на сцене — рондад, колесо, переворот на одной руке, мастерское владение саблей. Один молодой актер говорил: «Мне все равно, какой у него голос, какой рондад он крутит. Смотрю на него, и вижу: Вольф — нормальный парень!».

Вот он, Вольф. С Настей. Вместе в свое время играли в Малом. Он — Эзопа, она — Клею. И сейчас вместе. Так спешили, что раздеться, как следует, не успели. Рядом у стены стояла сабля, которой совсем недавно Бельский так лихо размахивал на сцене. Маринка невольно рассмеялась,

увидев эту забавную картинку. «Вольф Янович, вам не надо помочь?». «Проходи, что стала, лярва?». «Да не сердитесь вы, Фортинбрас Янович… Все в порядке, Настя, не нервничай»… Фортинбрас дико крутанул ей вслед глазами. Маринка тряхнула головой и, тихо улыбаясь, двинулась в сторону дома. Вдруг до нее дошло — это же все было на самом деле, не на сцене, вовсе не на сцене... Она вся похолодела. Какой ужас! Марина, Марина, что с тобой случилось? Зачем ты так поступила? С ума сошла... Как ты могла? Совсем голову от радости потеряла. Надо было отвернуться, пройти мимо, сделать вид, что ничего не заметила... Настроение было безвозвратно испорчено — не от того, что оказалась свидетелем непрезентабельной сцены, а от ощущения собственной... «гадости, мерзости, иначе это никак и не назовешь».

Но людям свойственно прощать... Все прощать, особенно себе любимым. И Маринка тоже себя простила. «Какая ерунда, ну пошутила... Может быть, не очень удачно...»

Казалось бы, на этом все могло и закончиться. Потешное, но не очень значительное по масштабам Академического театра (давно привыкшего к более интригующим и сложным любовным закулисным интригам) происшествие не могло иметь какого-либо значительного резонанса. Но о нем быстро стало известно. Вы, конечно, подумаете — почему бы и нет? — Маринка тут же нашептала об этом своим подружкам. Мы бы тоже так подумали. Но вовсе не Маринка была виной и источником быстрого распространения слухов. Подружек у нее не водилось с тех самых времен, когда рыжая Светка уехала в Москву. Маринка вообще была не болтлива, и даже мужу Теме она об этом происшествии ничего не рассказывала. Однако факт остается фактом. Слухи быстро распространялись, в деталях обсуждались в кулуарах, и даже — какое безобразие! — выплеснулись далеко за пределы театра. Заслуженный старательно обходил Маринку и лишь иногда выкатывал на нее озверевший бычий глаз. А Настя делала непроницаемое лицо и старательно не замечала Маринку.

Прошло несколько дней. «Шитикова, в профком!» — крикнул кто-то за кулисами.

Маринку приняла сама Елена Евстафьевна Дерюжко, председатель профкома, немалая, между прочим, величина в иерархии Академического театра. Когда-то Леночка Дерюжко была начинающей актрисой и неплохо сыграла в кино простую советскую девушку, ставшую партизанкой и отважно бившуюся в лесах Белоруссии с немецко-фашистскими захватчиками. Стала известна на всю страну, чего-то даже была удостоена. Рассудительная Леночка решила, что ей вполне достаточно актерской славы, другой выигрышной роли может и не быть, и надумала пойти по обще-

ственной линии. Она быстро заматерела, располнела и самое главное — набрала немалый вес в решении важнейших вопросов жизни театра. Ну и конечно, очень скоро стала заслуженной, не в пример многим другим недальновидным скромным пахарям сцены. Сам Шаргородский прислушивался к голосу Дерюжко и считался с ее мнением... Предоставление жилплощади, прием в труппу лимитчиков, касса взаимопомощи, моральный облик актеров, репертуарная комиссия… да мало ли какие важные вопросы никак не могли решаться без учета ее, Елены Евстафьевны, точки зрения. Она бегала советоваться и во дворец Профсоюзов на площади Труда и даже имела какие-то дела с инструкторами и секретарями обкома партии. По вопросам культуры, конечно. В общем, ни одно важное событие в театре не обходилось без нее.

Елена Евстафьевна приняла Маринку в своем кабинете. Была, как всегда, очень аккуратно одета. Скромно и достойно. Светлые волосы безупречно уложены и стянуты сзади в кичку, открывая чистую линию правильного лба. Предложила сесть на стульчик рядом со своим темным массивным столом. Долго молчала, перелистывала какие-то свои очень важные бумаги. Потом подняла на Марину глаза и строго спросила:

— Ну, что скажешь, Шитикова?

Марина подумала, что будут опять спрашивать про мужа.

— О чем вы, Елена Евстафьевна?

— А ты не знаешь? Что случилось два дня назад после генеральной репетиции?

— Ничего особенного. Я задержалась дольше обычного, обдумывала, как прошел прогон. Собралась и пошла домой.

— А как ты выходила из театра?

— Как обычно — по служебной лестнице.

— И ничего там не заметила, никого не встретила?

— Театр был пустой, все ушли. Ах, да. На лестнице встретила Вольфа Яновича и Настю...

— И что они там делали в столь позднее время?

— Не знаю, Елена Евстафьевна. Стояли у окна. Наверное, говорили о чем-то.

— И ничего такого ты не заметила?

— Что вы имеете в виду? Ничего особенного я не заметила.

— Ну-ну, Шитикова, ты не финти.

— А что я могла заметить?

— Ладно, ладно, Шитикова. В последнее время ты ведешь себя вызывающе. А надо бы поддерживать контакты с общественными организациями. Ты комсомолка?

— Еще не вышла по возрасту.

— Что ни слово — все с подковыркой. В партию не собираешься вступать? Ты же, небось, заслуженной хочешь стать — без этого никак.

— Для меня это была бы большая честь. Но и ответственность огромная. Пока не чувствую в себе уверенности, Елена Евстафьевна. А насчет заслуженной... Рано мне об этом думать.

— Ладно, ладно, все хотят стать заслуженными. Иди уже, Шитикова, — строго сказала Дерюжко. — От тебя, я смотрю, все равно ничего не добьешься. Ну, ты вот что. Как узнаешь что-то или увидишь — сразу мне сообщи.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, если кто-то будет вести себя аморально... Или разговоры будет вести не наши. Несовместимые со званием советского актера...

— Конечно, сообщу, обязательно сообщу... Но у нас никто не ведет себя аморально. И разговоров плохих у нас в театре не бывает. А так обязательно. Вы не сомневайтесь.

— Ты смотри у меня, Шитикова, тоже мне шутница нашлась. Шутикова... Дошутишься. Иди уже, — и Елена Евстафьевна строго посмотрела на молодую актрису.

Наверное, вы уже поняли, что Маринка была совсем не виновата в том, что это происшествие стало достоянием общественности и темой широких обсуждений. Может, еще кто-то застукал Бельского с Настей. А вообще-то ничего удивительного нет в том, что это событие мгновенно стало достоянием театральных и культурных кругов. Ведь после бурной сцены на подоконнике Вольф Янович воспылал самыми серьезными намерениями к своей юной избраннице. И та, судя по всему, ответила ему взаимностью в полном объеме своих жизненных устремлений. И он повел Настю к своей маме. И торжественно произнес: «Вот, мама, это Настя». Мама, как я уже рассказывал, всплеснула руками по поводу Лизы, теперь уже «бедной Лизы», «совсем-совсем бедной Лизы». «Мама, ты меня не поняла. Это более чем серьезно. Я тебя очень прошу, познакомься, это Настя». Мама вздохнула и произнесла фразу, которую произносят все мамы в подобных случаях: «Вначале все говорят — “серьезно-серьезно”. Поживем, увидим, насколько это серьезно».

Ну, раз это было так серьезно, то влюбленные должны были как-то все это объяснить: Фортинбрас — своей законной жене, Елизавете Константиновне Шибановой, вполне заслуженной актрисе, с которой они довольно счастливо прожили семь лет, Настя — Данечке Львову, с которым они поженились — легально расписались и поженились, а не сожительствовали в грехе — как я уже говорил, еще на первом курсе института. В общем, все это, так или иначе, должно было неминуемо дойти до общественности, которая всегда стоит на страже и озабочена сохранением мо-

рально-нравственных устоев советской семьи и хорошим психологическим климатом в Академическом театре, являющимся, безусловно, одним из оплотов и форпостов советской культуры.

А Марина, естественно, не имела никакого отношения к распространению слухов. Но почему-то все ополчились именно на нее. Это можно понять. Надо же признать кого-то виноватым. Фортинбраса? Нет, конечно. Безумно талантливый. Очень добрый. Позитивный. Как он кувыркается на сцене! И бегает, и саблей размахивает. Его можно понять. Выбрал беленькую, чистенькую, молоденькую. Младше себя на девять лет. Вместо вечно плакучей, занудной Лизы. Между нами: Лиза теперь уже больше напоминает старую кобылу…

Примерно так рассуждали при встречах молодые актеры театра.

Настю тоже не осуждали. Как Вольфа не полюбить? Разве его можно сравнить с этим мальчишкой Данькой? Никому неизвестный режиссеришко. Да и получится ли из него режиссер? Но кто-то должен быть виновен... в общественном мнении.

Почему так случается, что некоторые люди всегда и во всем виноваты? Что бы они ни делали. Маринка — безответная, не базарная, не наглая. На сцене часто плачет. Глаза, ах, какие у нее глаза! Грустные, наболевшие. Такую пнуть — милое дело. Елена Евстафьевна, видимо, тоже поучаствовала, бросила, наверное, мимоходом... Типа — «Не такая простая эта тихоня, как вы думаете. Где бы она ни появилась — всегда что-то случается. Может, нехорошо так говорить, а ведь собственного ребенка выносить не смогла. На мужа прожектор агроменный упал. А теперь что с этим Темой? — совсем, говорят, свихнулся Тема. И мать евонная, Калерия Ивановна, тоже невесткой недовольна. Не знаю, что промеж них там между собой... Но матери виднее, мать всегда права, материнское сердце чуткое, оно всегда разглядит, где обман, где правда. Ведьма она, Маринка ваша. И не защищайте... Цыганская кровь. В тихом омуте... Вот и сейчас с этими, с Вольфом и Настенькой... Достойные, между прочим, люди. А эта, прости господи, чего она там намутила? Потому и пошло у них все наперекосяк».

А ведь действительно — наперекосяк. Вначале письма пошли. Все больше Насте. От ее взволнованных поклонников. Некоторые — довольно хамоватые. И несправедливые... Ругали... Даже называли «жидовской подстилкой». Настя удивлялась, но не особенно реагировала на это. В общем — относилась философски. Слово «подстилка» ей даже немного нравилось. В этом было что-то волнующее. А «жидовская»... Непонятно, кого они имеют в виду? Если Даня, так мы с ним расстались, а Вольф Янович... Так Бельский — скорее польская фамилия.

Потом Вольф как-то объяснился с Лизой. Лиза публично рыдала. Бегала по театру, заламывала руки. Всем рассказывала, как плачет и надрыва-

ется ее бедная душа... Не в силах вынести разлуки с любимым. Особенно жалели ее заслуженные и народные. Стали откуда-то появляться, ходили по рукам фотографии заслуженной артистки — заплаканная, навзрыд, навзрыд. Вот фото у мостика «бедной Лизы» под Эрмитажным переходом, белый Лизин шарфик на черных перилах, ведущих к черной воде и неясная фигурка убегающей Лизаньки Шибановой в каракулевой шубке, убегающей по белому свежему снежку — как трогательно! Высокие чувства! Устроили Лизе выступления — концерты, телевидение — чтение стихов, все больше об опустошенной душе, о рухнувших чувствах... «Нельзя сначала убивать, потом шептать: "Я не нарочно!"»[1]. «Сложить его одежду, вспомнить лето, сесть у окна, задуматься, всплакнуть, спросить у Господа: "За что мне это?", во лжи, измене с болью утонуть»[2]. «О как же больно сжалось сердце лишь от мысли, что дело рук твоих удар исподтишка, что сил хватило нанести мне в спину выстрел, а сил в лицо ударить — нет, тонка кишка». «"Я тебя разлюбил..." — ты сказал неожиданно строго, сбросив чувства с плеча, как давно надоевший рюкзак...»[3]. «Ты сорвал оболочку с души и другую назвал дорогою... Ну, а мне-то что делать, скажи?! Кто сердечко мое успокоит?»[4].

Имя Бельского, конечно, на выступлениях не упоминалось, но всем было понятно... Культурный Ленинград только об этом и говорил. Представляете, Фортинбрас ушел от Шибановой к Шитиковой. Да нет, не к Шитиковой... К Лаврентьевой... или к Даниловой-Данилян... Но Шитикова тоже какое-то отношение к этому имела. Цыганка... Что-то наколдовала, без нее никак не могло обойтись.

А потом узнали, что Даня, Настин муж, тоже очень переживает. Сильно, видать, привязан к ней. Понимает, да что понимает — точно знает, что за тягучим голосом и живой непосредственностью белокурой красавицы скрыты особые женские таланты. Не может он, Даня, не представляет, как дальше будет он жить без Насти, не нужна ему такая жизнь, не освещенная больше сиянием его большой любви. Говорят, болел Даня, тяжело болел, пытался даже руки на себя наложить. Так говорят. Может, и врут. Наговаривают. Но переживал Даня сильно — это точно известно.

Послушай, что ты несешь, при чем тут Шитикова? А черт ее знает. Может, Вольф переспал с нею, может, и наоборот — она с Даней. Во всяком случае, своего Тему она в этих делах никогда не спрашивала… Да вроде

---

[1] Ольга Климчук

[2] Екатерина Колодкина

[3] Фрида Полак

[4] Н. Железкова

она скромная девица. И актриса прекрасная… Скромная — как же! Читал о классной даме института благородных девиц у Куприна? Вечером переодевалась и ходила по улицам, искала знакомств... А тоже скромница. Глазки не поднимает… Однако ее талии завидовал весь институт. И лицо у нее слегка чахоточного типа. Такие всегда нравились мужикам. Шитикова, посмотри, — точь-в-точь эта «учительница». Тоже мне, скромницу нашел. Да она, кого хочешь, совратить может. Кого, например? Например, Вовку Базеля из ТЮЗа, и того соблазнила. Знаешь, такой крупный, статный, басовитый. Лауреат конкурса чтецов... Все это слухи и вранье. Как вранье? А Шаргородский? Что Шаргородский? Он ее хватает за все места, а она — ничего. Ну и что? — подумаешь, он со всеми так. Со всеми, да не со всеми. А Шитикова его соблазнила все-таки. А если и так, что с того? А то, что женщины его вообще не интересуют, его привлекали по обвинению в мужеложстве. Привлекали, да не привлекли! У него же подруга есть, это все знают. Валька — гримерша. Всегда говорит о нем при всех: «мой сказал, мой подумал». И домой они вместе уходят. А Шитикова-то при чем? При чем, при чем... Раз все говорят — значит, не случайно. Нет дыма без огня.

Вызывает Марину Шаргородский. Что, говорит, Маринка, делать будем? А что надо делать? Какие-то сплетни все вокруг тебя. До чего дошло, горестно вздыхает Жора. Бедная Лиза своя не своя, в больницу ее увозили с сердечным приступом. Восходящая звезда советского театра Данечка Львов... вообще чуть руки на себя не наложил. Елена Евстафьевна говорит, мало мужем занимаешься, все больше на других мужчин смотришь. Неужели вы во все это верите, Георгий Яковлевич? Верить-то, конечно, я в это не верю. Знаю, ты очень хорошая девочка. Но ведь все говорят. Калерия Ивановна собирается к Стрижу сходить, чтобы тебя выгнали из труппы. А сами-то что вы об этом думаете? Да нет, конечно. Досужие домыслы это все. Ты же не виновата, что с Темой такое случилось. У тебя и без этого проблем всегда хватало, да и сейчас предостаточно. В общем, работай. Ты очень талантливая. А наговаривают... В театре всегда много завистников. Да и о нашем разговоре забудь. Работай и ни о чем не думай.

Но спокойного житья у Марины все равно больше не было. Многие продолжали склонять ее имя. Калерия Ивановна тоже не унималась. Теме все давно уже было безразлично, он не вмешивался. А генеральша от культуры бушевала: «Я тебе покажу, прошмандовка. Ты думаешь, можно так обращаться с сыном Цезаря Ильича? Ничего, ничего. Я поговорю со Стрижом. Он мне не откажет. Цезарь Ильич много для него сделал в свое время. А на твоего педика Жору Шаргородского мы тоже управу найдем. Он и так под статьей ходит».

И Калерия Ивановна... И Елена Евстафьевна... Да и Фортинбрас с Настей тоже почему-то на нее озлобились. Ничего не говорят, а смотрят не-

добро... Будто ее вина, что она застала их вдвоем... Сами и виноваты — не дети все-таки... Она ведь... не подшучивала, не подсмеивалась, сплетен не распространяла. Она-то тут при чем? При чем, при чем... Поделом ей, прошла бы мимо... Хотя... В театре и не такое можно увидеть...

В общем, так. Вы спросите, как закончились эти кутерьма и пересуды, за которыми, если говорить откровенно, скрыты — ну, не скрыты, а можно сказать, располагаются — глубокие человеческие чувства и нелегкие переживания отдельных уважаемых людей? Потому что сердце, как известно, не камень, потому что, как пел о сердце Леонид Осипович, ему «не хочется покоя», и вот за это нежелание покоя сердце обычно и расплачивается самыми что ни на есть своими глубокими переживаниями…

По прошествии некоторого времени Георгия Яковлевича сняли с работы за аморалку в коллективе, засорение кадров и идейную неустойчивость, долго мурыжили по кабинетам и судам, недвусмысленно намекали, что ему светят места не столь отдаленные, пока он сам не собрал манатки и вместе гримершей Валькой не умотал в провинциальный сибирский театр. Обстановка в театре на Грибоедова была — хуже некуда. Маринку уговаривали перейти в Ленком, предлагали роль Наташи Ихметьевой в «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Конечно, это не Академический театр. Ставки пониже. И там нет таких заслуженных и таких народных. Да может, оно и к лучшему. Так думала Марина Шитикова. Думала, думала, да и согласилась, в конце концов.

С тех пор прошло пять лет. Некоторое время она была востребована. Играла главные роли. Снималась в кино. Получала премии. Но спокойной жизни все равно не было. Не оставляли ее ни Калерия Ивановна, ни Елена Евстафьевна, ни многие другие доброхоты. Тема окончательно перебрался к матери. Был ко всему равнодушен. Кроме театра. Он готов был выполнять там любую работу — осветителя, рабочего сцены, уборщика, только бы оставаться в стенах «храма культуры».

Его жалели. Пока был Жора Шаргородский, давали какие-то второстепенные роли — стрелочника, почтальона, пьяного прохожего. Однажды дали роль, где надо было просто выйти и сказать: «Здравствуйте, сэр!». Этот эпизод стал основой популярного в те времена анекдота. Тема переволновался и, когда настала пора что-то сказать, забыл реплику. Наступила длинная пауза, и вдруг в полной тишине с галерки раздался веселый голос: «Поздоровкайся с сэром, задница!».

Маринка пыталась приходить к Теме, помогать. Калерия Ивановна встречала невестку — бывшую невестку! — гробовым молчанием, а Тема оставался безразличным и безучастным. Вскоре они совсем перестали видеться. А потом Марина серьезно заболела, и ей пришлось оставить сцену.

Пять лет — большой срок. Нашей героине уже под тридцать. Марина зашла в Домжур. Хотелось побыть среди людей — «там, где чисто и светло». Но подальше от обычной театральной тусовки — не хотелось встречаться со старыми знакомыми, выслушивать «участливые» вопросы, улыбаться и вежливо отвечать. Поэтому не пошла в ВТО. А Домжур рядом. Там тоже приличная публика. И кофе неплохой. Можно поговорить о событиях в городе, узнать новости. Кинофестиваль французских фильмов в Доме Кино. Выставка театральных художников в ЛОСХе на Герцена. Участвует ли там Эдуард Кочергин? Первая премия Миши Барышникова на Международном конкурсе в Москве за миниатюру «Вестрис»...

У Марины почему-то было легко на сердце. Казалось бы, ничего особо воодушевляющего в ее жизни не случилось. А настроение хорошее. Она чувствовала, что проснулась от спячки. Все. Болезни позади. Правда, ни работы, ни денег...

Будет и работа. Будут и деньги.

Как жизнь удивительно устроена! Кто больше всех ее ненавидел? Кто больше всех унижал и оскорблял? А вот наступили черные дни — та же Калерия первая и протянула ей руку. Хмурилась, сердито ворчала, а ведь именно она помогла, не бросила... Может, ради Темы... Может, это не Калерии Ивановны рука, а рука Темы, протянутая в память об их погибшем ребенке, о юношеской любви, которая ушла безвозвратно…

Моя вина, думала Марина, не смогла я удержать нашу любовь... Не смогла спасти Тему. Она давно это поняла. Но сейчас эта мысль уже не причиняла ей прежней боли, время — лучший лекарь. Она, конечно, еще любила Тему... Но как-то отстраненно... Разве что как брата или как друга... Скорее — жалела. Остались одни воспоминания. Воспоминания хорошие, светлые. Ну, скажите на милость, разве можно жить только одними воспоминаниями? Сколько можно корить себя, каяться, рвать душу... Да и ему она теперь не нужна, ему никто уже не нужен. Все это было так давно, будто бы и не с ней. И эта ужасная сцена на лестнице, и ее нелепое поведение... Все забылось. Ей все простили... И Тему, и слухи...

Елена Евстафьевна, кстати, тоже ей помогала... Пробила матпомощь через профком ВТО. Пришла сама, по своей инициативе. «Мы должны помогать молодым актерам. Все-таки ты наша, мы тебя вырастили»...

Марина вспомнила вчерашний сон. Будто она пришла к Калерии Ивановне. Почему все покрыто толстым слоем серой пыли? Темы нет, он в театре, говорит Калерия Ивановна. А вот, посмотри, кто тебя встречает! Прислонившись к косяку двери, стоит мальчик лет восьми в коротких штанишках. Длинные светлые волосы, широко поставленные, большие глаза, не по-детски серьезный взгляд. Широкие худенькие плечи, сам — тоненький, звонкий. Руки и коленки измазаны. Маринка женским взгля-

дом заметила, что носки на ногах в сандаликах тоже все в серых пятнах. Захотелось тотчас же отмыть ему руки и коленки, постирать грязные носочки. Неужели не узнаешь, спросила Калерия Ивановна безразличным голосом. Это же твой сын Тема, мой внук. Как же так, он ведь... Мы тоже так думали... что вот-вот его не станет. Все говорили — не жилец. А мы все-таки взяли домой, выходили, спасли... А ты не знала? Почему вы не говорили? Калерия Ивановна не ответила, промолчала, ласково посмотрела на внука. Темочка, сынок, ты жив... Стены квартиры Калерии Ивановны заколебались, словно отражение на воде, закружились, понеслись куда-то, лицо свекрови сморщилось как горящая бумага и улетело. Лицо маленького Темы тоже задрожало, некоторое время его взрослые глаза продолжали смотреть на Марину. Потом все исчезло. Но сон не кончился. Марина осталась в темноте. Пыталась руками нащупать косяк двери, где стоял ее мальчик. Дитя их любви.

Что мог бы означать этот сон? Она не чувствовала ни страдания, ни сожаления. Скорее — тихую радость. Может быть, где-то действительно жив ее маленький Тема. В других мирах. Какие-то добрые люди спасли его. Спасли для нее. И они обязательно встретятся. Тема пришел к ней во сне... Знает, что мама его ни в чем не виновата. Пришел сказать, чтобы она не волновалась, потому что он простил ее... что любит ее и теперь они обязательно встретятся. Наступит время... Она сможет обнять сына, прижать к себе... вдосталь наплакаться. Вся ее боль, все страдания... и страдания ее малыша, и страдания мужа Артема... все выплачет она этими своими слезами. И тогда ее беспокойное сердце найдет себе, наконец, тихую гавань и пристанище. Она поняла, для чего пришел маленький Тема: он пришел, чтобы высказать ей все это.

Марине уже двадцать семь. Почти двадцать восемь. Конечно, не сложилась ее женская судьба. Но ведь двадцать восемь — это не сорок восемь. Ей все по силам, фортуна еще обратит на нее внимание. Сегодня начинается новая жизнь, совсем новая жизнь…

Был вечер. Лучи заходящего солнца падали на мясистые фикусы, на устрашающие монстеры, на мятые листья гибискуса, на исцарапанный пластиковый экран музыкального автомата. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось». В углу ресторана Домжура, в тени фикусов, монстер и гибискуса, сидела скромно одетая худощавая молодая женщина. Она улыбалась своим мыслям, и в этот момент ее лицо казалось очень красивым и удивительно светлым.